УДК 353.2(571.5)

ББК Х2(2)5-523

DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-18-26

А. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ.
Ч. IV: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ИНКОРПОРАЦИИ
АБОРИГЕНОВ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

На примере ясачной политики, административного устройства, внедрения паспортной системы и распространения православия, привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности рассматриваются методы и средства инкорпорации народов Сибири в экономическое, административное и социокультурное пространство Российской империи. Отмечается эволюция этих методов, связанная с меняющимися задачами по политическому конструированию империи и развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве, быту и общественных отношениях народов Сибири на протяжении XVII – начала XX в.

Ключевые слова: Россия, империя, Сибирь, инородцы, методы инкорпорации, итоги.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

ETHNIC FACTOR OF THE BORDERLINE POLICY
IN THE REGIONAL DIMENSION: THE SIBERIAN VERSION.
PART IV. SIBERIAN VERSION OF THE ABORIGINAL
INCORPORATION. THE GOVERNMENT POLICY

The methods and means of the incorporation of Siberian peoples into the economic, administrative and sociocultural space of the Russian Empire are considered on the example of yasak policy, administrative structure, introduction of passport system and dissemination of Orthodoxy, and involvement of aborigines in military service. The evolution of these methods associated with the changing tasks of political construction of the empire and the development of commodity-money relations in the economy, everyday life and social relations of the peoples of Siberia during the 17th – early 20th centuries is noted.

Keywords: Russia, empire, Siberia, foreigners, methods of incorporation, results.

Одной из важных геополитических особенностей России во всех периодах ее истории был фактор огромности. Общая площадь империи, составляющая к началу XX в. около 22 млн кв. км, Уральскими горами незримо делилась на две составляющие части государства – Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличавшиеся друг от друга географическими и природно-климатическими условиями, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны и т. д. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства. Это косвенное признание неоднородности империи

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: levdameshkek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: dameshkek@rambler.ru.

явственно выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма» [Дамешек, Дамешек 2017, 2018]. Это понятие охватывает важные сферы региональной политики – от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства. Особенностью государственного строительства России являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств.

Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли единая денежная система (не случайно фальшивомонетничество считалось государственным преступлением), коммуникации, налоги, государственный язык, русская православная церковь, а также сознание верноподданничества русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, империя начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов. Этот процесс имел длительную временную протяженность. Лишь после наступала эпоха экономической интеграции. В ходе продвижения России на восток в условиях малочисленности русских поселений, зачастую враждебной политики сопредельных и иных государств правительство немаловажную роль отводило аборигенному фактору. Именно поэтому инородческий вопрос в Сибири был важным аспектом российской политики в огромном зауральском крае, на протяжении всей истории русской Сибири притягивавшем к себе пристальное внимание сановных Москвы и Петербурга. Эволюция этой политики отразилась не только в организации административного устройства и управления [Дамешек 2018], но и в конфессиональных подходах, смене официального названия народов края, изменения в налоговой, в т. ч. ясачной, политике. Ясак – это натуральный налог, который до середины XIX в. народы Сибири платили преимущественно пушниной. Со времени прихода русских в Сибирь уплата туземцами ясака рассматривалась правительством как выражение даннических отношений аборигенов к русскому царю. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и иные податные обязанности. Тем не менее на протяжении XVII и почти всего XVIII в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли, а проживание их на «породных землях» рассматривалось властями как важнейшее условие уплаты ясака. Правительственные указы жестко требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, не нарушать традиционных форм землепользования коренных народов.

Поначалу сбор подати с «ясачных иноземцев» никак не регламентировался и ясачные сборщики на практике «брали, что принесут». Это приводило к массовым злоупотреблениям, хищническому истреблению пушных богатств края, накоплению недоимок. В 1763 г. Екатерина II направила в Сибирь ясачную комиссию, которая впервые провела перепись «ясачных иноземцев», обложила их новой податью. Наряду с этим комиссия внесла и принципиальное новшество в систему сбора ясака, разрешив туземцам платить ясачную подать пушниной или эквивалентно деньгами. Тогда Екатерина указала на различие финансовых интересов казны и императорского

Кабинета в Сибири. До 1763 г. пушнина поступала в Сибирский приказ, а оттуда лучшие сорта пересылались в Кабинет. Однако в связи с упразднением Сибирского приказа собираемая в качестве ясака пушнина стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ императрицы «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему». Так юридически было оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак.

В 30-х гг. XIX в. в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири. Оно включало в себя более 60 пунктов и определяло цели, задачи, состав и порядок действий. Главной задачей комиссий являлось обложение новой ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири. В 1835 г. Николай именовым указом утвердил новый размер ясачной подати, которая в совокупном денежном и натуральном выражении составляла около 450 тыс. руб. против 122 тыс. по окладу 1763 г. Удельный вес вновь положенного ясака в доходах «инородцев» по округам Западной Сибири колебался от 10 до 20 %, в Восточной Сибири – от 11 до 52 %, составляя соответственно в среднем 15 и 38 %. При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным, накапливались недоимки, приобретшие вскоре хронический характер. Особенно беспокоило Кабинет сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины. Это неоднократно порождало рецидивы попыток полностью запретить свободную торговлю с аборигенами, окончившиеся тем не менее полным провалом. Одно из основных противоречий ясачной политики – стремление к максимальному сбору ясака пушниной и дальнейшая коммутация ясака заставили сановный Петербург предпринять новые усилия для «приведения ясачного сбора в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета».

Формирование ясачной политики в пореформенный период находилось в неразрывной связи с аграрными и финансовыми мероприятиями казны и Кабинета, выступавших как совладельцы сибирских земель. Эта особенность ярко проявилась в ясачной политике, свидетельствующей о существовании у коронного ведомства своих финансовых интересов, не всегда совпадающих с общегосударственными. На основе закона 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и земельною податью» по мере проведения землеустройства и перечисления кочевых аборигенов в разряд оседлых «инородцев» ясак «выкупался» государственным казначейством у Кабинета. Ежегодный размер таких «выкупов» составлял свыше 125 тыс. руб. Но поскольку размер вновь вводимой оброчной подати был выше ясачного оклада, то возникающие в таком случае излишки становились доходами государственного казначейства. Введение системы выкупа ясака было выгодно Кабинету, так как освобождало его от выколачивания недоимок, составляющих четвертую часть оклада. О существовании собственных финансовых интересов казны и Кабинета свидетельствует и практика взаиморасчетов, проводимая между ними по «ясачному делу» с 1827 по 1917 г. в связи с перечислением части кочевых и бродячих «инородцев» в разряд оседлых. Указ 19 января 1898 г. не означал отмену ясака как такового. Бродячие «инородцы», а также кочевые, перечисленные в оседлые, но не получившие землеустройства продолжали платить ясак до 1917 г. Общий размер ясачной ренты Кабинета с народов Сибири определялся положением от 3 марта 1835 г. и составлял 222258 руб. серебром. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель вместе с ясаком составляли четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2 %. Ясачная рента сохраняла определенное самостоятельное значение. Для ясачной ленты конца XIX в. характерным является процесс ее дальнейшей коммутации, что заставило Кабинет в 1910 г. перевести ясак на денежную основу.

В Сибири совместным собственником земли выступали казна и Кабинет. Последний, как совладелец земли, взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем земель, находившихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Казна взимала

в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «иностранцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «иностранцы» Сибири, кочевые «иностранцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи, например кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин Романовской империи наряду с национальным гнетом испытывало на себе архаичные способы эксплуатации [Сибирь в составе Российской империи 2007: 215–218; Дамешек, Дамешек 2014].

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «иностранцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «иностранцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравниванию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «иностранцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных «иностранцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «иностранцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

В этом смысле важным этапом по распространению православия среди окраинных «иностранцев» стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 90-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1300000 руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество оказывало материальную помощь всем православным миссиям империи, тем не менее 50 % денежных ресурсов общества шло на содержание сибирских миссий. В начале XX в. на территории Сибири постоянно действовали 8 православных миссий. Немногочисленными были северные Березовская и Туруханская миссии. Такие

же миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот, активизируют свою деятельность, растет их численность, упрочивается материальное положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано Братство святого Гурия, имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н. И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний.

Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужение на «инородческих» языках. С целью активизации проповеди православия в Сибири получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станций – опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. Священники миссионерских станций освобождались от приходских обязанностей. К началу XX в. число миссионерских станций и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской епархии, что являлось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к ламаизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и иерархи. Характерно, что на съездах рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечением аборигенов к отбыванию воинской повинности, введением у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов.

В пореформенный период русская православная церковь выступила как крупнейшая консервативная сила. Союз церкви и самодержавия носил политический характер. Этим определялась и политика имперского государства по отношению к православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещеных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы первой русской революции, что объективно являлось выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования.

Тем не менее политика христианизации местных народов как важнейшее средство их обрусения по-прежнему оставалась в центре внимания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения Тобольской, Томской, Енисейской губерний, Якутской области было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же – буддизм. На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики Сибири с многонациональными районами Поволжья, Приуралья и другими мы приходим к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлении найти оптимальные, с точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов [Дамешек 2018: 295–323].

Одним из ярких появлений имперской политики в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX в. стал вопрос о привлечении сибирских «инородцев»

к отбыванию воинской повинности. В соответствии с Уставом об управлении инородцев народы Сибири освобождались от военной службы. Однако в конце XIX в. правильность этого положения оказалась под сомнением. Сторонники привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности исходили из тезиса о том, что эта льгота подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении вещей русские крестьяне, отбывающие воинскую повинность, никакого преимущества перед аборигенами не ощущают, а у «инородцев» складывалось неверное представление о мощи великой России. Следовало положить решительный конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс в отношении их «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках».

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует учитывать, что, провозгласив курс на полное слияние народов Сибири с русским крестьянским населением, правительство в данном вопросе проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривластного порядка. Об этом прямо заявил начальник генерального штаба русской армии Е. А. Генгрос. По его мнению, исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость расформировывать туземные войска, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание. Не случайно именно в это время в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения забайкальских бурят во внутренние губернии империи, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники желтой расы.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к воинской службе возникли в связи с введением Устава о воинской повинности 11 января 1874 г. Однако тогда военный министр Д. А. Милютин выступил против проектируемых нововведений, признав их несвоевременными. Тем не менее министр признавал принципиальную важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири. Идея привлечения аборигенов к воинской службе, по мнению Милютина, имела и политический аспект как объединяющее и цивилизующее начало. Таким образом, в основе возникшего замысла лежали не военные, а чисто политические мотивы.

В 1896 г. для рассмотрения этого вопроса была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева. В ее состав вошли высокопоставленные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов. Совпадение начала работы этой комиссии с принятием аграрных, административных и податных законов конца XIX не являлось случайным.

Итогом работы комиссии Обручева стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний. Аборигенов Восточной Сибири предлагалось привлекать к военной службе лишь на основании специально разработанных узаконений. В январе 1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Обручева Николаю II, присовокупив к этому и личное мнение. Он заявил императору, что сам принцип дифференциации «инородцев» при отбывании воинской повинности считает глубоко ошибочным. По мнению министра, к отбыванию ее следовало привлечь всех оседлых и кочевых аборигенов Сибири и Забайкалья, а конкретную разработку этого вопроса поручить министерству внутренних дел, как ведомству, наиболее близко знакомому с положением дел в Сибири. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П. А. Столыпин потребовал

предоставить ему «все средства и возможности» для выполнения важного поручения. Наряду с этим при изучении данного вопроса премьер советовал действовать осторожно и вообще соблюдать строгую тайну. Он опасался, что новые проекты могут вызвать массовые выступления народов Сибири, и без того недовольных проводимыми преобразованиями.

Обоснованность опасений министра подтверждается и «вопросами для беседы», составленными Куколь-Яснопольским. Это было своего рода социологическое обследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение «инородцев» к перспективе привлечения их к отбыванию воинской службы, а заодно и политическую лояльность империи. Не случайно из 20 вопросов 7 были посвящены чисто военным сюжетам, остальные носили общеполитический характер. Автора программы обследования особенно беспокоили возможное проявление протеста аборигенов к проектируемым мерам, формы, способы и сроки его проявления. К числу важнейших был отнесен вопрос о потенциальном поведении «инородческого» войска в период внутренних кризисов и потрясений.

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по строго расписанному сценарию. В каждой губернии или области были проведены конфиденциальные совещания. Круг участников этих совещаний был стереотипным – губернаторы и другие высокопоставленные чиновники. В целом сибирская администрация высказалась за привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности. В качестве основного обоснования необходимости этой меры послужило требование полного «приравнивания» сибирских «инородцев» к русским крестьянам, ликвидации их сословной обособленности.

В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

1 августа грянула Первая мировая война. Вслед за этим последовало положение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц от 19 до 31 года. В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились около 10 тыс. людей. Однако эти пункты были совершенно не подготовлены к приему такого количества призывников. Там не было ни оборудованных казарм, ни кухонь и даже элементарных продуктов, не хватало обуви и одежды. Многие аборигены на сборных пунктах владели полуголодное существование.

Однако на фронт аборигены так и не попали. Правительство признало невозможным перевезти эту массу людей в район действующей армии. Император перенес мобилизацию на более поздний срок, а сами «инородцы» были распущены по домам. Мобилизация коренного населения на тыловые работы началась летом 1916 г. В Якутской области по ходатайству товарищества «Лензолото» мобилизация якутов была отменена – их труд требовался самим золотодобытчикам. В остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу они направлялись на работу в районы Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление Томской железной дороги. К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы аборигенов расширилась. Особенно много «инородцев» было направлено в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Условия работы мобилизованных аборигенов были крайне тяжелыми. Антисанитария, плохое, непривычное для этих людей питание приводили к массовым заболеваниям. Поэтому сотни людей бросали работу и бежали в родные места. Вместо идеи сближения и даже унификации сословий

мобилизация аборигенов на тыловые работы порождала у них убеждение неприятия политических устоев империи [Дамешек 2014а; Сибирь в составе Российской империи 2007: 221–224].

К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Вплоть до середины XIX в. процесс инкорпорации Сибири в Россию носил преимущественно административный характер, при сохранении ряда существенных особенностей в области административного устройства, управления, национальной политики, землепользования. В конце XIX в. стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии, в т. ч. и Сибири, а также к разработке единого законодательства, исключаяющего какие-либо местные особенности. Не случайно именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным Зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал. Однако удаленность от центра страны, сравнительно слабое развитие системы коммуникаций, пестрый национальный и конфессиональный состав населения, наличие сильной генерал-губернаторской власти, значительного отряда политических ссыльных предопределили ряд существенных особенностей развития политических событий в регионе в начале XX в., которые, по словам Н. А. Бердяева, были не столько началом новой жизни, сколько концом старой.

Источники и литература

Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы первой мировой войны / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2014а. – Вып. 7. – С. 79–88.

Дамешек Л. М. Первая мировая война и сибирские инородцы // GRSS-BORDER: historical events and modern realities Papers of International scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the victory on the Khalkin-Gol River (September, 17–18, 2014). Ч. II / Л. М. Дамешек. – Чита, 2014б. – С. 117–124.

Дамешек Л. М. Избранное. Т. 1. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 456 с.

Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.

Дамешек Л. М. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 341 с.

Дамешек Л. М. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 88–93.

Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

References

Dameshek L. M. Mobilizaciya sibirskih inorodcev na tylovyie raboty v gody pervoj mirovoj vojny / L. M. Dameshek // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya.* – 2014a. – Vyp. 7. – S. 79–88.

Dameshek L. M. Pervaya mirovaya vojna i sibirskie inorodcy // *GRSS-BORDER: historical events and modern realities Papers of International scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the victory on the Khalkin-Gol River (September, 17–18, 2014).* Ch. II / L. M. Dameshek. – Chita, 2014b. – S. 117–124.

Dameshek L. M. Izbrannoe. T. 1. Sibirskie «inorodcy» v imperskoj strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.) / L. M. Dameshek. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – 456 s.

Dameshek L. M. Yasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. – 303 s.

Dameshek L. M. Sibirskie reformy M. M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovaniya interesov centra i regiona / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2017. – 341 s.

Dameshek L. M. Sibirskaya reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proyavlenie principov imperskogo regionalizma / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2018. – № 426. – S. 88–93.

Sibir' v sostave Rossijskoj imperii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 368 s.